

**Записки Дмитрия
Николаевича Свербеева
(1799-1826)**

Том I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-32

3-32 Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1826): Том I / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 536 с.

ISBN 978-5-458-14799-6

В 70 лет, живя на покое вдали от Москвы, в Швейцарии, Дмитрий Николаевич Свербеев, начал главное дело жизни, сам того не ведая. По его признанию, «без всяких притязаний на авторство и без нужды на успех», побуждаемый дочерью, стал диктовать воспоминания. Свои записки он предназначал для семьи, детей, многочисленных внуков. Заинтересовали мемуары читающую Россию. Перед собой Свербеев поставил цель сохранить в памяти образ старой Москвы, описать быт, нравы, привычки общества разных социальных слоев. Дмитрий Свербеев запечатлел в «Записках» выдающихся современников и «чудаков», «оригиналов», людей удивительных судеб. Ему хотелось показать «русского человека», «во всех его видах и со всеми качествами», «противоречиями». Что вполне ему удалось. В двух томах «Записки. 1799—1826» вышли в Москве, спустя четверть века после смерти автора, к столетию со дня его рождения в 1899 году.

ISBN 978-5-458-14799-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нѣсколько словъ о Дмитріи Николаевичѣ Свербеевѣ.

Одинъ изъ друзей Д. Н. Свербеева, искренно цѣнившій его и какъ человѣка и какъ гражданина, А. С. Хомяковъ, даетъ намъ, кажется, вѣрную точку зрѣнія для уразумѣнія того, чѣмъ былъ въ жизни своей авторъ печатаемыхъ въ этой книгѣ произведеній. Хотя они достаточно говорятъ сами за себя, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что ознакомленіе съ личностью автора всегда много прибавляетъ къ значенію его твореній, какъ бы они ни были занимательны и значительны по своимъ собственнымъ достоинствамъ. Не даромъ ко всѣмъ изданіямъ сочиненій прилагаютъ біографіи авторовъ: біографіи удовлетворяютъ не простому любопытству читателей, но дѣйствительной потребности имѣть, по возможности, живое представленіе о томъ лицѣ, съ которымъ собираемся мысленно бесѣдовать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе писаній человѣка почти не отдѣлимо отъ его личнаго значенія, и это, кажется, по преимуществу вѣрно въ тѣхъ случаяхъ, когда посмертно обнародовываются сочиненія, не предназначившіяся для печати ¹⁾, какъ въ настоящемъ случаѣ: въ предлагаемой книгѣ только очень немногое перепечатано изъ журналовъ; главная же часть — „автобіографическія записки“ — назначалась только для семьи. Но такъ какъ интересъ этихъ записокъ, охватывающихъ собою все царствованіе Александра Павловича, явно не исключительно семейнаго свойства, то должно было наступить время (и оно наступило), когда имъ надлежало изъ достоянія семейнаго обратиться въ достояніе общее.

¹⁾ Пишущій для печати постепенно знакомитъ съ собою читателей, тогда какъ авторъ посмертныхъ сочиненій не имѣетъ этой возможности и является сразу „тайнственнымъ незнакомцемъ, загадкой для читателей“.

Личность Дмитрія Николаевича Свербеева придастъ его писаніямъ сугубый вѣсъ.

До сихъ поръ многіе московскіе старожилы помнятъ его, какъ человѣка не только высокообразованнаго, — это явленіе у насъ, къ счастью, не особенно рѣдкое, но еще гораздо болѣе какъ человѣка, живо принимавшаго къ сердцу все явленія жизни умственной и гражданственной его времени, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ; а его время заключаетъ въ себѣ самую важную часть XIX столѣтія, начиная отъ бурныхъ годовъ Наполеоновской эпохи и кончая еще болѣе существенными для насъ годами великихъ и мирныхъ преобразованій Александра Николаевича ¹⁾. Но особенно выдавался онъ тѣмъ, что все свои способности, все свое широкое образованіе употреблялъ на то, чтобы быть живымъ участникомъ въ дѣлѣ умственнаго, духовнаго и гражданского преуспѣянія среды, въ которой онъ жилъ. Благодаря образованію, способностямъ и рѣдкой, выдающейся общительности, онъ сдѣлался однимъ изъ средоточій культурной жизни этой среды, соединяя у себя все, что было живаго и мыслящаго, вездѣ, гдѣ бы онъ даже временно ни находился, но преимуществу же въ Москвѣ, обыкновенно своемъ мѣстопребываніи. Его, доселѣ почти неизвѣстнаго какъ писателя, можно и должно приобщить къ числу видныхъ дѣятелей умственной жизни Москвы нашего вѣка; а этотъ вѣкъ особенно важенъ въ лѣтописяхъ Москвы, такъ какъ въ первой его половинѣ въ ней возродилась и развилась та духовно-просвѣтительная сила, которая возвратила ей вполне временно утраченное, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій, значеніе настоящаго культурнаго центра сю же и въ политическомъ отношеніи созданной Россіи.

Поселившись послѣ женитьбы окончательно въ Москвѣ, которая была для него и родной, Д. Н. занялъ въ ней соотвѣтствующее своему положенію и семейнымъ связямъ мѣсто, и скоро его домъ, на ряду съ значеніемъ въ свѣтѣ, сдѣлался пріютомъ и всего, что было тогда живаго и мыслящаго.

¹⁾ Д. Н. Свербеевъ скончался въ 1874 г. 13 февраля.

Начиная съ 40-хъ годовъ московская умственная жизнь принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ нѣкоего „Возрожденія“ (Renaissance) и въ немъ домъ Свербеевскій, на ряду съ домомъ Елагинскихъ и другими (напр., Сенинскихъ), сдѣлался однимъ изъ очаговъ той умственной жизни, которая началась единеніемъ въ общей любви къ просвѣщенію всѣхъ молодыхъ силъ и кончилась тѣмъ спасительнымъ для русской мысли раздвоеніемъ, благодаря которому чистое русское направленіе созрѣло въ борьбѣ съ такими представителями космополитизма, каковыми были Герценъ, Грановскій, Бѣлинскій, Чаадаевъ и шные. Живое участіе, которое принималъ въ этомъ умственномъ движеніи Д. Н., и его полное безпристрастіе къ лицамъ и убѣжденіямъ дѣлало то, что именно у него такъ охотно собиравались люди мысли и науки.

Но онъ самъ не замыкалъ себя исключительно въ ихъ кругѣ, а оставался въ постоянномъ общеніи съ людьми дѣла и людьми официальнаго міра, служа какъ бы живымъ звеномъ между міромъ мысли и міромъ внѣшней дѣятельности. Особенно дорожилъ онъ близостью къ всеотрезвляющей средѣ простой крестьянской жизни, въ которую онъ такъ охотно погружался, живя дѣломъ подолгу въ своихъ деревняхъ и входя въ непосредственное общеніе съ народомъ, — въ то дѣйствительное общеніе, которое такъ рѣдко давалось даже „народолюбивымъ“ помѣщикамъ добраго стараго времени. Такимъ образомъ, не занимая никакого официального положенія, дѣла свое время между Москвою, Европою и деревней и всегда вездѣ внимательно прислушиваясь ко всему и въ свою очередь подавая на все свой голосъ, онъ успѣлъ составить себѣ положеніе, которое давало ему вѣсъ и значеніе, съ которымъ считались современники и которое, когда Д. Н.—ча узнаютъ ближе наши современники, будетъ за шимъ признано и ими.

Онъ бѣлъ, какъ изъ сказаннаго заключать читатели, „человѣкомъ общественнымъ“, чтобы не сказать общественнымъ дѣятелемъ. Этимъ послѣднимъ словомъ не хотѣлось бы его называть потому, что ходячес предствленіе объ общественномъ дѣятелѣ, сложившемся у насъ за послѣднія десятилѣтія, нѣсколько окрашено духомъ отрицательнымъ,

а у Д. Н. не было и тѣни этой именно окраски. Общественный дѣятель на языкѣ современномъ есть какос-то противоположеніе дѣятелямъ государственнымъ, правительственнымъ; онъ самъ себя почитаетъ противовѣсомъ послѣднимъ, людямъ стоящимъ на почвѣ чисто вишняго формализма, тогда какъ онъ мнитъ себя быть выразителемъ запросовъ живой дѣйствительности, — тѣхъ запросовъ, котор. коренятся въ глубинахъ ему одному доступныхъ и совершенно невѣдомыхъ и непонятныхъ официальнымъ людямъ, которые вслѣдствіе этого самаго непониманія игнорируютъ и подавляютъ даже все живое. Общественный дѣятель непримѣнно противоборствуетъ; онъ постоянно въ антагонизмѣ. Ничего подобнаго не было въ Д. Н. Онъ себя никому и ничему не противопоставлялъ. Его единственное желаніе было — приносить себя, свои знанія, свою опытность, свою, пожалуй, житейскую мудрость, на восполненіе того, что вокругъ него могло нуждаться въ восполненіи, указывая при случаѣ правительственнымъ лицамъ ихъ недосмотры, направляя простой народъ, поскольку это отъ него зависело, какъ отъ помѣщика (но съ совершеннымъ и сознательнымъ уваженіемъ къ его бытовому и духовному строю), къ достиженію лучшихъ порядковъ домостроительства частнаго и общественаго; разъясняя, наконецъ, въ дружественныхъ спорахъ людямъ своей среды то, что, по его мнѣнію, они склонны были либо не въ мѣру идеализировать, либо, наоборотъ, не въ мѣру же порицать. Онъ былъ человѣкъ общественный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — въ томъ смыслѣ, въ которомъ такъ опредѣлительно охарактеризовалъ самое „общество“ А. С. Хомяковъ. Вотъ почему мы сказали въ началѣ, что для уясненія того, чѣмъ былъ Д. Н. всего удобнѣе воспользоваться той точкой зрѣнія на явленіе социальной жизни, которую мы находимъ именно у Хомякова. „Дѣленіе права, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности ¹⁾, — соотвѣтствуетъ дѣленію самихъ жизненныхъ отправленій — тремъ областямъ дѣятельности.

¹⁾ Соч. т. I, стр. 746.

частной, общественной, государственной. Между первой и последней лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественной деятельностью. Въ цѣломъ мірѣ сфера дѣятельности частной одинакова и одинаково безцвѣтна: для нея совершенно все равно, какое государство ее охраняетъ и обезпечиваетъ, только бы охраняло и обезпечивало. Не такъва дѣятельность общественная. Выходя изъ жизни частной, она выражаетъ все отъѣтъ: все особенности земли и народа и обусловливаетъ государство, дѣлая его такимъ, а не инымъ; она даетъ ему право, она налагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдѣлиться изъ другихъ государствъ. Съ ея уничтоженіемъ, если бы такое уничтоженіе было возможно, государство теряетъ всю свою силу; оно падаетъ и не можетъ не падать... въ своей частной дѣятельности человекъ есть лицо только опекаемое или оберегаемое; въ жизни же общественной онъ ожидатель и творецъ историческихъ судебъ⁴.

Однимъ изъ представителей нашей общественности, принятой именно въ смыслѣ вышеприведенныхъ словъ, былъ Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ и если таковымъ его знали и понимали его современники, то небезынтересно будетъ и нашимъ современникамъ узнать изъ его письменныхъ произведеній—сначала какъ выработывался усматриваемый нами въ немъ характеръ: это мы узнаемъ изъ записокъ, захватывающихъ годы юности автора до его женитьбы; затѣмъ какъ мыслялъ онъ въ эпоху уже зрѣлаго возраста—это можно извлечь изъ его напечатанныхъ статей; несмотря на то, что онъ все біографическаго содержания; и, наконецъ, если когда-нибудь обнародована будетъ его обширная переписка мы узнаемъ въ подробности его политико-соціальную программу, основанную несомнѣнно на близкомъ знакомствѣ съ жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Конечно, нельзя сказать, чтобы общественная дѣятельность Д. Н. выразилась въ какихъ-либо конкретныхъ фактахъ, какъ результатъ оной; но не въ этомъ практическомъ смыслѣ мы почитаемъ его образцомъ человека общественнаго: такого рода „практичности“ можно скорѣе ожидать и требовать отъ „общественнаго дѣятеля“ въ упомянутомъ выше смыслѣ; человеку же общественному дос-

таточно вполнѣ того, что онъ живетъ общественными интересами, способствуетъ по возможности ихъ разъясненію и поддерживаеъ въ себѣ и въ другихъ—это главное—живую отзывчивость ко всѣмъ явленіямъ человѣческаго пониманія (*entendement*) во всемъ, по возможности, разнообразіи его. Этимъ послѣднимъ свойствомъ отдѣльныхъ лицъ, своихъ членовъ, вырабатывается и укрѣпляется само общество, значеніе котораго такъ велико въ судьбахъ человѣчества. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо—у насъ люди общественныя цѣнны и необходимы: лишь черезъ нихъ можетъ вырабатываться общественное мнѣніе, столь еще у насъ хилое, и не только вырабатываться умозрительно, но и получать права истиннаго гражданства, основаннаго не только на достоинствѣ выражаемой мысли, но и на личныхъ качествахъ гражданской неподкупности и нравственной силѣ ея выразителей. Помимо этого этическаго фактора, общественная мысль не можетъ никогда получить настоящаго созидательнаго значенія¹⁾. Такихъ представителей общества намъ нужно теперь не менѣе чѣмъ когда-либо; и это тоже одна изъ причинъ почему умственный и нравственный образъ Д. Н. Свербеева особенно отрадно воскресить чрезъ изданіе всего имъ писаннаго съ дополненіемъ его біографіи, какъ завершенія напечатанной въ настоящемъ томѣ автобіографіи его юности.

Литературную, историческую и бытоописательную сторону этого труда будутъ цѣнить, конечно, различно; но едва ли кто, взявшись за чтеніе записокъ Д. Н., положитъ книгу, не дочитавъ ее до конца. Можетъ-быть, интересъ ихъ объясняется повѣствовательнымъ талантомъ автора; но намъ думается, что онъ заключается еще и въ другомъ, а именно—въ личности автора и его личныхъ свойствахъ, столь ярко выступающихъ въ этихъ запискахъ. Природа щедро одарила Д. Н. тѣмъ, что составляетъ „*conditio sine qua non*“ для чловѣка общественнаго—живостью ума и впечатлительностью въ высочайшей степени; а эти качества

¹⁾ Сознаніе такого этическаго начала въ пройденной жизни было, вѣроятно, побудительной причиной къ написанію для себя своей автобіографіи у Д. Н.: *pleriquae suam ipsi vitam narrare fiduciam potius motum quam adrogantiam arbitrati sunt.* Тас. Agr.

вызываютъ въ душѣ человѣка, ими обладающаго, то, что называется отзывчивостью. Живость ума и впечатлительность вмѣстѣ съ необычайною на все, до мелочей отзывчивостью, отличавшія автора ихъ при жизни, даютъ, кажется намъ, „запискамъ его“ такой необыкновенно живой характеръ, что въ нихъ какъ бы слышишь то, что называютъ англичане *the throb of life*, — пульсацию жизни. Когда эти качества вообще развиты въ обществѣ, бываетъ жива и сильна общественная жизнь, и неудивительно, что, лицо, этими качествами обладающее, заняло такое видное общественное положеніе; вовсе не ища никакого „положенія“ и не заявляя желанія быть признаваемымъ общественнымъ представителемъ *en titre*.

Выставляя такимъ образомъ Д. Н. Свербсева, какъ высокообразованнаго представителя общественнаго самосознанія, нельзя, конечно, обойти вопросъ, какого, однако, направленія держался онъ—своего ли самостоятельнаго или одного изъ тѣхъ, которыя слагались на его глазахъ и при ближайшемъ его участіи?

Опредѣляя свое направленіе, онъ любилъ примѣнять къ себѣ стихъ:

„In moderation placing all my glory...
While Tories call me Whig, and Whigs a Tory“. (Pope).

По этому стихомъ едва ли онъ дѣйствительно выражалъ положительную сторону своихъ воззрѣній. Это было скорѣе выраженіе отрицательное, указывающее лишь на его нерасположеніе къ какимъ-либо крайностямъ. Славянофильскіе друзья почитали его сильно склоннымъ къ западничеству; но, зная, какъ горячо любилъ Д. Н. русскій народъ и какъ хорошо онъ его понималъ въ его бытѣ, вѣрованіяхъ и исторіи, они его, конечно, къ западникамъ настоящимъ не рѣшались причислять. Западники же его сильно заподозривали въ скрытой склонности къ славянофильству, во-первыхъ, потому, что между людьми, для которыхъ они придумали это неподходящее названіе, у него было много истинныхъ друзей, а главное потому, что его твердая приверженность къ русской церковности была слишкомъ въ глазахъ ихъ подозрительна, хотя самъ Д. Н. не-

рѣдко, съ свойственною ему склонностью къ тонкому и безобидному юмору, подшучивалъ надъ тѣмъ, что въ самой православной ревности казалось ему заслуживающимъ шутки. Извѣстныя его стихи на Л. С. Хомякова и его отношенія къ Пальмеру и его оксфордскимъ единомышленникамъ: „Не обратилъ ты Альбіона! Увы, ревнитель Аарона, не миро съ твоя брады ¹⁾ сошло на счастье зады“ и т. д., восклицаетъ въ нихъ по адресу Хомякова Д. Н., считавшій, вѣроятно, что недостаточно идеальнаго представленія о православной церкви для привлеченія западныхъ людей къ этой церкви, и примѣренія ихъ съ ея историческимъ у насъ или у грековъ проявленіемъ:

Такимъ образомъ, если Свербеевъ не является вождемъ опредѣленнаго направленія, отличнаго отъ существовавшихъ около него направленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ если онъ не былъ послѣдователемъ „вполнѣ“ ни одного изъ нихъ, а также не былъ представителемъ умственного компромисса между различными направленіями,—что особенно не идетъ къ его живой, впечатлительной природѣ,—то какъ же понять внутренній строй его воззрѣній и убѣжденій, систематическаго изложенія, конхъ онъ намъ не оставилъ (развѣ можетъ-быть мы найдемъ оное въ его еще необнародованной перепискѣ)? Не оставилъ онъ такового, конечно, только потому, что не былъ систематикомъ вообще, а былъ человѣкомъ жизни и дѣла; человѣкомъ же пера онъ былъ лишь постольку, поскольку его живая мысль переливалась (*débordait*) за предѣлы слова и дѣла. Съ помощью однихъ его писаній можно лишь гадательно дойти до уясненія себѣ того міровоззрѣнія, которымъ онъ руководился неуклонно и которое было, повидимому, болѣе прирожденное, чѣмъ надуманное. Не даромъ онъ избралъ себѣ девизомъ фразу: „*Mir en naissant*“. Ясно, что это не было похвалбою самому себѣ: онъ вовсе не былъ склоненъ къ самохваленію: „*mir en naissant*“ было только выраженіемъ того факта его умственной жизни, который составлялъ отличительную ея черту,— факта прирожденности его направленія, а не логиче-

¹⁾ Намекъ на гонимую въ то время бороду, сохраненію которой, какъ символа свойственной русскому человѣку естественности, придавали большое значеніе Хомяковъ и Аксаковъ.

ской надуманности ее. Умозрительныя направленія, лишь соприкасающіяся съ жизнью въ большей или меньшей степени, не находили въ Д. Н-чѣ своего представителя или послѣдователя: онъ былъ живой представитель самаго „спинтоза“ русской жизни, не расшатаннаго полуторавѣковымъ блужданіемъ нашего т.-н. высшаго общества въ погонѣ за просвѣщеніемъ, предписаннымъ ему извнѣ. Этимъ объясняется волюнѣ, почему Д. Н-ча лично такъ цѣнили тѣ, которые угадывали въ немъ подъ внѣшнимъ обликомъ европейца волюнѣ русскаго человѣка, ни въ чемъ не измѣнявшаго русскимъ традиціямъ; а равно любили и тѣ, которые, отрицая русское направленіе, и не понимая его, все-таки внутренно цѣнили истинно русское, поскольку оно вмѣстѣ съ тѣмъ выражало собою общечеловѣческое.

Русскіе никогда не чуждались общенія съ западными народами. Русскіе же люди семнадцатаго вѣка въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей волюнѣ сознавали необходимость восполнить замѣтновавшимъ многіе пробѣлы во внѣшнемъ культурномъ строѣ своего отечества, особенно же въ области научнаго и прикладнаго знанія. Къ такому убѣжденію приходили люди того времени, нисколько не измѣняя своему чисто русскому духу; напротивъ того, они желали способствовать его вящшему развитію и просвѣтленію поставивъ русское просвѣщеніе на путь разумнаго общенія съ другими народами. Очень вѣроятно, что такое направленіе возобладало бы и безъ властнаго и насильственнаго, хотя во многомъ волюнѣ законнаго, вмѣшательства Петра. Но тѣ богатырскіе приемы, которые пустилъ въ ходъ преобразователь для прिवитія западной цивилизаціи, до такой степени оглушили наше повергнутое просвѣщенію общество, что въ немъ утратилась живая связь съ исконной русской жизнью; и только чрезъ 150 лѣтъ могло опять пробудиться истинно русское сознаніе, облекшись, по необходимости, въ форму полемическую, а слѣдовательно и отрицательную по адресу того западничагья, которымъ мы такъ глубоко, до самозабвенія, заразились. Къ этому же времени созрѣла и потребность въ извѣстной части нашей умственной среды — въ логической, сознательной аналогіи и въ систематическомъ оправданіи самаго западничагья, которое до этого

времени проявляло себя лишь практически... Но для тѣхъ, которые по тѣмъ же или другимъ, не всегда объяснимымъ, причинамъ не утратили живой связи съ преданіемъ древнерусскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приняли все хорошее отъ Запада безъ неумѣреннаго увлеченія, — для тѣхъ, явно, не было нужды ни возстановлять въ себѣ того, чего они не утрачивали, ни умирять въ себѣ вліяніе иноземное, которое никогда ихъ не доводило до отрицанія своего родного. Тѣ, которые принадлежали къ этому, къ сожалѣнію, немногочисленному, разряду составляли изъ себя бытовое направленье, стоявшее не между другими, а рядомъ съ ними. Когда же оно, это бытовое русское направленье выражалось людьми высокообразованными и живыми, то въ ихъ лицѣ оно легко дружилось съ представителями направлѣній умозрительно полемическихъ и даже, можетъ-быть, благотворно на нихъ воздѣйствовало не доводами или разсужденіями, а живымъ осуществленіемъ такого культурнаго типа, который былъ симпатиченъ и тѣмъ и другимъ и который одинаково цѣнили самые ожесточенные между собою противники.

Къ такому именно типу образованныхъ русскихъ людей принадлежалъ, думается намъ, покойный Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ, и этимъ объясняется его роль въ умственной жизни Москвы, а черезъ нее въ общекультурной жизни всего нашего общества.

Сказанное въ этихъ строкахъ окажется, надѣмся, не лишнимъ для правильной оцѣнки или, по крайней мѣрѣ, для правильнаго отбѣненія личности Д. Н. Свербеева. Но, конечно, прочитавъ самую книгу, читатели сумѣютъ оцѣнить въ авторѣ не только челоуѣка, но и писателя и, конечно, пожалѣютъ о томъ, что ему не суждено было довести до конца того цѣннаго труда, къ которому онъ приступилъ на склонѣ дней своихъ.

Д. Х.